

КОРПОРАТИВЪ

Столяров шел домой. А что было делать — его только что уволили, и он нес эту горькую весть прямо в дом.

— Свинья ты, Столяров, — сказала ему жена. — Просто свинья. Неужели нельзя засунуть язык в жопу и кивать. А не разевать свою пасть и кричать о независимости художника. Какой ты, на хрен, художник? Художник кормит семью.

— Это ремесленник кормит семью.

— Заткнись.

— Ну вот! А где мне тогда говорить, если на работе нельзя и дома нельзя? Вот так и спиваются.

— Ну ты еще бухать начни, вообще будет полный комплект. Какой план? Где будем деньги брать? — насупила Марина.

— Может, твои родители помогут? — ляпнул Столяров.

— Ну, конечно, разбежался, мы и так, по сути, за их счет живем. Квартира, машина, отдых откуда?

— Тогда я пойду к Михалычу.

— Еще не легче. От одной груши к другой.

— Они не груши.

— А кто они?

— Да не знаю я.

— Вот видишь. Ты от Михалыча едва отбился и снова хочешь?

— А больше у меня вариантов нет. В этот раз я не проморгаю подлянку.

Михалыч был его сводным братом. Намного старше, чем он сам, отец оставил весь свой бизнес ему. И антикварный, и производство удобрений.

По завещанию Столяров получит свою долю только в случае работы вместе с братом Авдеем Михалычем. Столяров сначала хотел, а потом расхотел. Авдей не был настроен пускать брата в бизнес, а его криминальные дружки, какие бы погоны они ни носили, старались сделать жизнь Столярова невыносимой.

Брат преследовал его, требовал подписать отказ от наследства. Столяров отбился еле-еле, не без помощи Маринкиных родителей.

Теперь Столяров сидел у Михалыча в кабинете.

— Наигрался в свободу, — корил его хозяин.

— Давай без этой херни, пожалуйста.

— Давай, согласен. А хочешь, буду тебе содержание платить, если отдашь мне свой пакет в управление?

— Тебе для управления мой пакет не нужен.

— Умный.

— Не дурак. Хочешь его отдать кому-то в залог?

— Ну типа того. Хочу продать часть своего, а твой компенсирует мне эту продажу в управлении, я не потеряю место председателя.

— Возьми меня тогда внутрь. Чтобы я мог следить за своим пакетом.

— Да ты растешь, — изумился Михалыч. — Ладно, я подумаю.

— И я подумаю, разрешать ли тебе продажу. Я помню — наши пакеты связаны. Я должен отказаться от приоритета, — сказал Столяров.

Он встал и, уходя, спросил:

— А что за новенькая? Светленькая.

— Вика. Суперьюрист.

— Вот пусть она меня проконсультирует.
— Конфликт интересов.
— Подпишем бумагу на одну консультацию.
— Ты что, курс корпоративного права где-то прослушал?

— Слушал-слушал, — сказал Столяров. — Давай будем двигаться быстро. Если будем.

— Я подумаю, — сказал Михалыч вслед закрывающейся двери.

Через день Столяров сидел с Викой в переговорной.

— Вы должны иметь место в совете, тогда сможете отстаивать свою позицию. Контракт такой: доля в управлении за отчисления от прибыли. Тут можно торговаться. И место в совете директоров — тут торговаться не за что. Тупо и жестко. Если нет, то сделки не будет. Ну и козырь с приоритетом тоже есть.

— Понял, — сказал Столяров.

А потом спросил:

— Вика вы спите с Михалычем?

— Нет, — спокойно ответила Вика.

— Жестко придерживайтесь этой линии, — улыбнулся он.

— Непременно, — не улыбнулась она.

Дома он спросил Марину, может ли она узнать, кто хочет купить долю Михалыча в «Химпроме».

Она пожала плечами.

Столяров опять сидел с Викой в переговорной.

— Условия, при которых я могу вернуть права на управление своей долей? — спросил он.

— Возможен ли кидок с вашей стороны? — спросила она. — Тогда нам опять нужно подписывать бумаги. Или, если вы предполагаете такое развитие событий, я либо должна уволиться, либо не должна вам отвечать.

— Отложим тогда этот разговор, — сказал Столяров.

— Вы точно представляете, во что играете?

Он пожал плечами. Потом спросил:

— Вы богаты?

— Нет,— сказала Вика.— Но не отказалась бы.

— Всё в наших руках,— сказал Столяров.

Вика внимательно посмотрела на него.

Дома Марина сказала ему на ухо, что долю покупает тот самый приятель ее отца, который помог вытащить его от Михалыча в прошлый раз:

— Странно, что он не предложил тебе купить твою долю.

— Я могу продать, только если Михалыч откажется. Так прописано в договоре.

— Тогда понятно, во что они все там играют.

— Во что? — похолодел Столяров. Он уже догадался.

— Ты же уже понял,— сказала Марина так же жарко, прямо в ухо.

Ему стало щекотно. Он отстранился и почесал ухо.

— Суки.

— Ну, это еще слабо сказано,— Марина была в хорошем настроении.— Зато у нас будут деньги, если ты всё сделаешь правильно.

— А я сделаю правильно?

— Ты сделаешь правильно, или я тебя укокошу.

— Мне понадобится юрист.

— У тебя, я слышала, есть юрист.

— Это юрист Михалыча.

— Но она хочет заработать с тобой.

— Откуда ты все знаешь?

— От верблюда,— она посмотрела ему в глаза и отвернулась.— Делай всё, что нужно.

— Я постараюсь,— кивнул он.

Михалыч остро нуждался в деньгах. Всё, что у него было, он вложил в серию покупок на антикварном рынке, и эти действия себя не оправдали. Оборот упал, деньги зависли. Нужны были свободные ресурсы для высвобождения средств, вставших без движения. Поэтому он втянулся в авантюру с продажей части своей доли в «Химпроме». С появле-

нием Столярова эта комбинация приобрела новые перспективы развития. Он считал, что у него все козыри на руках.

Столяров тем временем обживался в роли члена совета. Общался с новыми акционерами. Они, конечно, хотели бы перейти со временем к более стабильной схеме. Намекали на то, что готовы идти в будущее с ним. А нынешнего мажоритарного акционера пустить по ветру.

Когда сделка с акциями Михалыча была закрыта. Столяров пришел к нему и сказал, что хочет забрать управление своей долей обратно себе. Михалыч засмеялся:

— Это невозможно.

— Всё возможно, — сказал Столяров и положил перед Михалычем бумагу. — Ты невнимательно читал наше соглашение.

— Вика, сука.

— Да, Вика — сука, это трудно оспорить. Но ты хотел ее трахнуть, а она хотела денег.

— Ты скотина!

— Я скотина, Вика — сука, ну а ты тогда просто козел, — сказал Столяров.

— Я тебя убью.

— Теперь уже нет смысла, раньше надо было. Ты ведь собирался? Испугался Маринкиных родителей?

— Я сплю с Мариной.

— Я знаю.

— Откуда?

— Она же делала это сначала назло мне, а потом я воспользовался этим печальным фактом. Марина очень любит семью. Она была виновата. Она изменила, но раскаялась, — Столяров рассмеялся. — Ты думал, она с тобой — и ты, стало быть, в безопасности? Так же нельзя, Михалыч. Надо было меня убить, но Марина была против, да? Против логики корпоративного конфликта. Тебя это не насторожило?

Михалыч продолжал молчать.

— Новые акционеры, которых ты привел, хотят сделать тебе предложение. Советую не отказываться, — Столяров вышел и закрыл дверь.

Из-за двери он услышал звуки разбиваемой мебели и невнятное бормотание Михалыча.

Он зашел за Викой, и они пошли обедать. Был чудесный весенний день.

Михалыч застрелился. Оказалось, у него был пистолет.

